

**МОСКОВСКАЯ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛЫ
«РУССКИХ ИСТОРИКОВ» В КОНТЕКСТЕ
ДИХОТОМИИ «МОСКВА-ПЕТЕРБУРГ»
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)***

1

Дихотомия «Москва-Петербург» является устойчивым феноменом русской культуры. Антитеза возникла как следствие модернизационных процессов в стране, когда петровские реформы привели к разрыву между вестернизированной и традиционной Россией. Первая была идентифицирована с новой, северной столицей, а вторая – с Москвой. Развиваясь во времени и модифицируясь, дихотомия «Москва-Петербург», тем не менее, оставалась одним из главных источников формирования культурных мифов и стереотипов. В культурной мифологии XVIII – XIX вв. Петербург представлялся символом европейского пути России, ее приобщения к европейским ценностям. Москва же ассоциировалась одними с допетровской Русью и рассматривалась как оплот «азиатчины» и косности, другими – как центр истинно русской культуры.

Описанные выше образы были распространены в первую очередь в образованной интеллектуальной среде, основная масса народа, очевидно, смотрела на это несколько иначе. В.О. Ключевский как-то в свойственной ему язвительной манере написал о восприятии простыми русскими людьми своих столиц: «О Владимире он [народ] забыл, да и в свое время мало знал его; Москва была тяжела народу, он ее немножко уважал и побаивался, но не любил искренно; Петербурга он не любит, не уважает и даже

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

не боится»¹. Только к легендарному Киеву былинных времен люди относились положительно и с уважением. Очевидно, что историк, перечисляя столицы, имел в виду те государственные образования, которые они отождествляли. Здесь важно замечание о нелюбви русского народа к действующей столице.

Миф* о Москве и Петербурге активно эксплуатировался в русской художественной литературе, но, как и положено мифу, имел нечеткие и противоречивые очертания: «Созданный литературой миф о московско-петербургском противостоянии всегда входил в состав более фундаментального мифа о «столицах» и «провинции»... При этом «центр» выступает то в качестве источника прогресса, то разрушительного космополитизма, а «периферия» предстает то косной и отсталой, то родником истинно русской животворной энергии»². Впрочем, надо отметить, что Москва не рассматривалась как провинция, а скорее, как вторая столица, и это только подливало масла в огонь в споре двух российских центров, наблюдавшемся на протяжении всей истории Российской империи.

Процесс демифологизации был противоречив. По наблюдениям И.С. Розенталя: «Освобождение сознания от мифов по мере развития культуры не стало, как ожидалось в XIX в., доминирующей тенденцией, процессы мифологизации и демифологизации протекали одновременно. Сложившиеся ранее представления о Москве и Петербурге превратились в стереотипы: не только в зависимости от общественно-политических взглядов и

¹ *Ключевский В.О.* Курс лекций по русской истории // В.О. Ключевский. Сочинения в 9 томах. Т.I. М., 1987. С. 211.

* В данной статье принимается трактовка мифа «как второй реальности», предложенная А.Ф. Лосевым. Разделяется его мнение, что «действительность мифична не сама по себе, а по отношению к субъекту, который ее так воспринимает» (Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 84.)

² *Смирнов С.Б.* Петербург-Москва: сумма истории. СПб., 2000. С. 7.

эстетических пристрастий, но и в разные моменты жизни того или иного москвича или петербуржца, в соответствии с его душевными потребностями Петербург мог представляться исключительно со знаком плюс – цивилизованным, европейским, культурным, гармоничным, планомерным, или, наоборот, – неестественным, казенным, бездушным, нерусским; Москва – беспорядочной, хаотичной, полуазиатской или же почвенной, душевной, уютной, естественно-русской»³. В то же время Москва и Петербург и их мифологизированные образы тесно переплетались, создавая образ страны в целом.

К концу XIX в. бытовые и культурные различия между городами из-за ускоренной урбанизации существенно сгладились. Приехавший в Москву в середине 1880-х гг. А.А. Кизеветтер вынужден был признать, что «Москва... в значительной мере оправдывала столь часто прилагавшееся к ней название “большой деревни”...». Но такое положение дел быстро менялось: «Уже на моих глазах, в самом конце 80-х годов и затем 90-х годах... Москва стала быстро изощрять свое европейское обличье... Сначала стали вырастать то там, то тут небоскребы, многоэтажные дома с массой квартир... потом пришли телефоны, автомобили и трамваи»⁴. Если в начале 1880-х гг. здесь еще можно было наблюдать остатки «старозаветного» дворянства и купечества, то затем «вышел на сцену новый купец, “джентльмен”, меценат, политический фрондер, библиофил, декадент»⁵.

Известный московский историк, ученик В.О. Ключевского, М.М. Богословский не без ехидства и торжества писал: «Как одно из самых резких различий между столицами указывалась высота каменных петербургских четы-

³ Розенталь И.С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 16-17.

⁴ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997. С. 22.

⁵ Там же. С. 24.

рехэтажных и пятиэтажных домов. Что теперь эти четырехэтажные дома перед московскими небоскребами?»⁶.

Но на смену одним мифам пришли другие. Петербург стали рассматривать как столицу имперской бюрократии, тогда как Москва позиционировалась как город бурного самоорганизующегося общественного движения, олицетворение национального характера в эпоху перемен. Важно подчеркнуть, что именно на рубеже XIX – XX вв. рассуждения о дихотомии Москва-Петербург приобрели новое дыхание. Обсуждалось все: архитектурные и культурные различия, сравнивалось общество обеих столиц, политическая жизнь. М.М. Богословский вспоминал: «Прекрасно помню тогдашние разговоры о Петербурге в сравнении с Москвою»⁷. По мнению С.Б. Смирнова: «Для русского образованного человека рубежа веков постоянное противопоставление Москвы и Петербурга имело, наряду с прочим, и психотерапевтическое значение. Москва воплощала надежду на преодоление поразившего страну политического и духовного кризиса, а потому русские интеллигенты хотели видеть в ней оплот истинной русскости, залог стержневого здоровья русского общества»⁸.

Разговоры о Москве и Петербурге свидетельствовали о росте самосознания горожан Российской империи на рубеже веков. Некоторые исследователи даже считают, что в условиях упадка поместного дворянства, тесно связанного с загородными усадьбами и их культурой, на первый план выходит новое урбанизованное общество, связывающее свою жизнь с городской средой. Образованные горожане, обладая своеобразным «полисным» патриотизмом, острее чувствуют особенности своей городской среды обитания. Отнюдь не случайно, что именно в конце XIX – начале XX вв. возрастает количе-

⁶ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 110.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ *Смирнов С.Б.* Указ. соч. С. 69.

ство трудов, посвященных истории городов, в особенности Москвы и Петербурга⁹.

На фоне активизации «московского патриотизма» петербургское самосознание имело ряд особенностей: петербуржцы не ощущали себя вполне европейцами или вполне русскими. Мироощущение жителей Петербурга формировалось на стыке двух культур. С одной стороны, это создавало своеобразный комплекс неполноценности, заключавшийся в том, что петербуржцы-интеллектуалы не могли четко идентифицировать себя с какой-либо культурой. С другой – они оказывались заметно терпимее к разным культурам и субкультурам, что отразилось и в процессе историографической коммуникации. Именно петербуржцы заметно активнее шли на контакт со своими коллегами из других университетов.

По мнению специалистов, в начале XX в. в среде петербургских интеллектуалов наблюдается рост критицизма по отношению к родному городу, а также его мифу. Ярко это выразил А. Бенуа: «Москва богаче нас жизненными силами, она мощнее, красочнее... она способна сложить особые, чисто русские характеры, дать раскинуться смелости русской мысли». Впрочем, в отличие от европейски дисциплинированного Петербурга, «Москве чужд дух дисциплины...»¹⁰. Г.П. Федотов доводил эти рассуждения до логического конца: «чиновный, умеренно-либеральный, европейски просвещенный, внутренне черствый и пустой» Петербург противопоставлялся «безвластной и вольной, широкой и святой» Москве, которая «по сердцу (а не идеям) всегда была либеральной: здесь либералы православны и чуть-чуть толстовцы»¹¹. Безусловно, реальность была гораздо сложнее процитированных выше текстов, отражавших, тем не менее, расхожие настроения.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 74.

¹¹ *Федотов Г.П.* Две столицы // Новый мир. 1989. № 4. С. 209, 211, 213.

Итак, дихотомия Москва-Петербург являлась важным элементом духовной жизни России, представляла собой неотъемлемую часть культурной мифологии. Учитывая тот факт, что наука (особенно гуманитарная) является частью общекультурного ландшафта своего пространства и времени, то логично предположить, что данная дихотомия могла заметно повлиять на развитие отечественной исторической науки.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Москве и Петербурге в местных университетах окончательно складываются исторические школы, переживающие короткий расцвет. Формируясь в насыщенной культурной атмосфере, они неизбежно оказывались подвержены той мифологии, которая получила распространение в их интеллектуальной среде. Эта среда являлась питательным источником различных стереотипов, от которых трудно было отделаться даже столь высокообразованным людям, которыми, без сомнения, являлись выпускники Московского и Петербургского университетов.

В данной работе анализу будут подвергнуты только т.н. «русские историки», то есть специалисты по истории России. Автор оставляет за скобками многочисленных всеобщих историков. Подобный подход связан как с ограниченностью его сведений о них, так и с желанием сконцентрироваться на рассмотрении вполне конкретных школ специалистов по отечественной истории, а не всей среды, довольно пестрой и неоднородной, петербургских или московских историков.

В современной историографической литературе «школа» трактуется как «совокупность ученых, объединенных общим направлением научного поиска, общностью научных взглядов и принципов»¹². Также указыва-

¹² *Попов А.С.* Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореф. дис...докт. ист. наук. Пенза, 2002. С. 13. Подробнее о школах см.: *Мяков Г.П.*

ются и на ментальные аспекты школ в исторической науке. Важнейшим критерием разделения научных сообществ является их самосознание. По меткому замечанию А.Н. Шаханова, «для представителей научной школы характерна субъективная убежденность в обладании ими истинным знанием и осознанием принадлежности к особой исследовательской или педагогической корпорации»¹³. Самосознание в значительной степени формируется той социально-культурной средой, которая окружает человека.

Специфика профессиональной деятельности историков приводила к тому, что стереотипы, связанные с городами, перекидывались на местные исторические школы и их представителей. Университеты, бывшие институциональными основами научных школ, являлись частью местного ландшафта: городского, культурного и социально-политического¹⁴.

Так, Петербургский университет органично вписывался в чиновничью атмосферу северной столицы. По воспоминаниям выпускника университета, профессора С.С. Кузнецова, «старый Петербургский университет [дореволюционный – В.Т.] некоторыми своими порядками отражал блеск Петербурга: чопорно-вежливое и холодновато-обязательное обращение профессорско-преподавательского и технического персонала; белизна дверей и стен; совершенная прозрачность стекол в окнах и огромных книжных шкафах из ясеневого дерева... сверкание до зеркальности натертого паркета... Профессора в скромных черных сюртуках пред-

Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

¹³ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 31.

¹⁴ Подробнее см.: Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.

ставлялись нам небожителями, проповедниками каких-то исключительных истин»¹⁵.

В противовес официозному Петербургу московская общественность бравировала своей оппозиционностью (надо сказать, весьма умеренной). Например, это выражалось в довольно частых забастовках профессоров и студенчества. В Москве сложилась тесная связь местной предпринимательской и интеллектуальной элиты. Развитое городское самоуправление, активное участие профессуры в работе Московской городской думы, немало способствовало этому: «Сотрудничество в думе с профессорами и выходцами из Московского университета оказывало серьезное личное влияние на основоположников крупных московских купеческих династий, в большинстве своем не имевших высшего образования. В результате их сыновья становились студентами Московского университета, уделявшими пристальное внимание науке и просвещению»¹⁶. На историко-филологическом факультете получили образование известный предприниматель и политик А.И. Гучков и выдающийся историк С.В. Бахрушин, выходцы из старых московских предпринимательских фамилий.

Авторитет их семей требовал активной общественно-политической работы на благо московского общества. Так, С.В. Бахрушин был депутатом Московской городской думы три раза. О своих первых выборах он не без иронии вспоминал: «...Я чувствовал вокруг своей головы ореол от блеска моей фамилии... На предвыборном собрании с обеих сторон произносились колкие и укорительные речи, дебатировались программы, вопросы, когда поднялся высокий, седой как лунь, старик в длиннополом сюртуке и в нескольких словах нравуочи-

¹⁵ Цит. по: *Ростовцев Е.* Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009. С. 262-263.

¹⁶ *Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX века // Там же. С. 391.

тельным тоном рекомендовал выбирать “таких людей, как Бахрушин”: он меня не знал, не имел никакого представления о моих качествах и недостатках; он видел во мне лишь представителя той породы людей, которых “надо” выбирать, и кои по своему положению призваны исполнять функцию гласных...»¹⁷. Тесная связь с социально-политической жизнью города толкала московских историков к написанию исследований на общественно значимые темы. Одной из самых популярных была история местного самоуправления, очевидно навеянная проблемами московского самоуправления.

Современные специалисты в области историографии, при попытке выявить различия между московской и петербургской историческими школами, в первую очередь делают упор на изучении особенностей в методологии и методике исторического исследования. Традиционно указывается следующие особенности.

У петербургской школы «русских историков»: 1) анализ исторической реальности «от источника», отсюда активное развитие источниковедения как особой научно-исторической дисциплины, культивирование источниковедческого подхода, развитие вспомогательных исторических дисциплин; 2) акцент на тщательном анализе фактической стороны, отказ от априорного теоретизирования; 3) источниковедческий характер исследований вызывал заметный интерес к гносеологическим проблемам исторической науки; 4) благодаря наличию общероссийских центров публикации источников в Петербурге (Археографическая комиссия и Постоянная историческая комиссия), естественным было повышенное внимание к археографии; 5) стремление дистанцироваться от активной политической жизни; 6) аморфность сообщества «русских» историков Петербургского университета, наличие двух ярко выраженных лидеров: С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского.

¹⁷ Архив Российской академии наук Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 2. Ед.хр. 69. Л. 4.

У московской школы: 1) изучение истории, отталкиваясь от проблем, а не от наличных источников; 2) более заметная концептуализация полученных данных, нежели у петербургских коллег, развитие «исторической социологии» (концепция В.О. Ключевского); 3) отсутствие активной археографической работы, «археография для себя» (термин С.В. Чиркова¹⁸); 4) активная политическая позиция, полноценное участие в политической жизни (партиях, общественных организациях и т.д.); 5) наличие ярко выраженного лидера в лице В.О. Ключевского, воспитавшего не одно поколение исследователей. Это привело к наличию общей концепции русской истории (колонизация как главный фактор, классовый подход, акцент на социально-экономических проблемах с учетом государственно-правовых факторов и т.д.). Фактически ученики В.О. Ключевского (за исключением П.Н. Милюкова и Н.А.Рожкова, которые попытались разработать собственные теории) дополняли схему учителя конкретно-историческими изысканиями. Как следствие, отличительной чертой московской исторической школы была последовательность в выборе тем исследования. Диссертации учеников Ключевского, как правило, были продолжением работ их предшественников, составляя стройную череду последовательного раскрытия ключевых проблем русской истории.

В связи с тем, что у московских историков-русистов был ярко выраженный лидер в лице В.О. Ключевского возникает логичный вопрос, а не правильное ли данному сообществу историков дать наименование «школы В.О. Ключевского». С моей точки зрения, это неверно по нескольким причинам. Во-первых, большое влияние на московских историков-русистов оказывали специа-

¹⁸ Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX - начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Материалы научной конференции. Пенза, 25-26 июня 2001 года. Кн. 1. М., 2005. С. 130.

листы по всеобщей истории, в частности П.Г. Виноградов, который учил их технике исторического исследования, работе с источниками. Во-вторых, не все ученики Ключевского оставались последователями его концепций, методологического подхода и методических приемов. Например, П.Н. Милюков и Н.А. Рожков предложили альтернативные теории. В-третьих, в московской исторической школе можно выделить как минимум два поколения. В этих условиях такие историки, как Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин и др. учились не столько у Ключевского, сколько у его старших учеников, к тому времени внесших ряд новаций в концепции мэтра и предложивших новые подходы к исследовательской практике. О сложной структуре петербургского сообщества «русских историков» уже говорилось, поэтому здесь также целесообразнее говорить о петербургской школе как особом феномене.

Атмосфера городов сказывалась на подходах к исследованиям, сложившихся в университетах и ставших визитными карточками школ. По обоснованному мнению Е.А. Ростовцева, общественно-политическая атмосфера, царившая в двух университетах, повлияла и на стиль исторических исследований. Так, более свободная и политически активная позиция способствовала стремлению к концептуальному осмыслению в Московском университете, в то время как постоянный правительственный контроль в Санкт-Петербурге толкал к более деидеологизированной научно-критической работе с историческими источниками, «идеографическому стилю исследований»¹⁹.

Д.А. Цыганков указывает на то, что семинарские занятия, практикуемые в Московском и Петербургском университетах, также строились на разных принципах. Первые ориентировали на изучение исторических проблем, а вторые – на овладение исследовательской техникой в области вспомогательных научных дисциплин. «Как следствие различных методических установок в

¹⁹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 36.

области источниковедения и историографии, практикуемых на семинарах, наметился разный подход к написанию исторических сочинений у московских и петербургских школ исследователей. Сочинения московских историков имели в виду читающую публику вообще, образованное русское общество. Петербургские исследователи стремились к написанию научных монографий для специального пользования»²⁰.

Итак, в работах современных историографов достаточно отчетливо прописаны отличительные черты двух ведущих научно-исторических школ России конца XIX – начала XX вв. Но те различия, которые, безусловно, присутствовали, не объясняют того устойчивого разграничения между московскими и петербургскими историками, которое отчетливо прослеживается в научной среде России конца XIX – начала XX вв. Думается, что при объяснении феномена противостояния московской и петербургской школ весьма плодотворно будет применение социо-культурного подхода.

Впервые на культурно-психологические предпосылки появления московской и петербургской школ обратил внимание С.В. Валк. В обширной статье, посвященной 125-летию Петербургского (Ленинградского) университета, он заметил: «История каждого из русских университетов теснейшим образом связана не только с историей общих судеб русского просвещения, но и с теми особыми и местными условиями, в которых жил и развивался каждый из университетов»²¹. Из современных исследователей на культурно-психологический аспект при рассмотрении специфики петербургской школы указывает С.В. Чирков: «Однако при всех различиях между собой «малых» школ [имеется в виду «школа

²⁰ Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 67.

²¹ Валк С.В. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7.

Платонова» и «школа Лаппо-Данилевского» - В.Т.] их объединяло общее противопоставление петербургской школы московской исторической школе. Здесь наглядно выступает наибольшая актуальность при формировании самосознания научной школы антиномии отчетливо социально-психологического порядка: «мы и они». Такое противопоставление Б.Ф. Поршневу считал основой самосознания этноса, но ведь научная школа тоже “культурная общность”²². К сожалению, ни С.В. Валк, ни С.В. Чирков не развили эти интересные и плодотворные мысли, не насытили их конкретно-историческим материалом. Между тем мы находим достаточно много фактов, позволяющих трактовать данный вопрос в том числе и как культурную проблему. На плодотворность изучения схоларной проблематики в контексте темы «Москва-Петербург» указал С.О. Шмидт²³.

3

Конец XIX – начало XX вв. – время расцвета «схоларного» самосознания. Несмотря на то, что в действительности различия между московской и петербургской школами стремительно исчезали, инерция культивирования непохожести сохранялась. Любопытно отметить и еще одно наблюдение: часто под школой, может быть не вполне осознанно, понимали интеллектуальную среду Московского, Петербургского и Киевского университетов.

Стремление «держаться» своих приводило к тому, что часто представителю из другого университета чрезвычайно трудно было влиться в местное ученое общество историков. Например, П.Н. Милюков, занятый поиском места работы после конфликта с Ключевским, в 1891 г. писал С.Ф. Платонову: «Ясно только, что я не

²² Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX-начале XX века... С. 116.

²³ Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург-Москва» // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997-2001 годов. М., 2012. С. 487-490.

попаду в Киев – из политики, так как в Киеве необходимо, я думаю, киевлянин, а на каждого из нас они будут смотреть как на “кацапа”»²⁴.

Московские историки также ревностно относились к проникновению в свою среду чужаков, представителей других университетов. Характерную позицию занимал М. М. Богословский. После того, как в 1911 г., в знак протеста против вмешательства министра народного просвещения Л.А. Кассо в университетскую автономию, многие университетские преподаватели подали в отставку, а А.А. Кизеветтер отказался занять кафедру русской истории, Богословский принял предложение возглавить историко-филологический факультет, мотивируя это тем, что иначе наследие В.О. Ключевского достанется М.В. Довнар-Запольскому, выходцу из Киевского университета. «Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В.О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться»²⁵. Похожие настроения наблюдались и у М.К. Любавского. «Любавский очень осторожно относится к появлению в Москве беглецов из чужого университета»²⁶, – отмечал А.Е. Пресняков.

Иная позиция была присуща петербургскому научному сообществу. Там традиционно находили пристанище представители различных университетских центров. Можно вспомнить К.Н. Бестужева-Рюмина и Н.И. Кареева, окончивших Московский университет, а также Н.И. Костомарова, воспитанника Харьковского университета. Возможно, это можно объяснить тем, что

²⁴ Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милокова С.Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2. С. 177.

²⁵ Богословский М.М. Дневники 1913-1919. М., 2011. С. 325.

²⁶ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 662.

Петербург, всегда находящийся на стыке культур (европейской и русской), воспитывал более терпимое отношение к разным научным стилям. Все это привело к относительной аморфности петербургской исторической школы. Впрочем, можно привести и примеры стремления «закрыть» местное сообщество для пришельцев. С.Ф. Платонов откровенно писал П.Н. Милюкову о возможности закрепиться в Петербургском университете: «Здесь же в университете мудрено будет Вам устроить экстраординатуру раньше Форстена и даже идиота Щукарева. А сладко ли будет Вам (и мне, поклоннику Московского университета), если после Ключевского посадят, например, Лихачева или иного чужака в силу того, что Вы сами уехали из Москвы?»²⁷.

Школа превращалась в своеобразный маркер, позволяющий судить о достоинствах историка. Причем признавался ограниченный круг «настоящих» научных школ. Например, за Казанским университетом петербургские и московские коллеги собственной школы не признавали. Об этом свидетельствует письмо С.Ф. Платонова от 17 февраля 1891 г., написанное П.Н. Милюкову. В нем ученый пишет: «Здесь недавно был, а может быть, и есть молодой Фирсов, казанский магистрант: любопытный человек. Когда он будет у Вас в Москве, присмотритесь к нему, к этому отпечатку безшколия, который на нем лежит»²⁸. Уместно заметить, что Платонов скромно считал, что в Петербургском университете говорить о полноценной школе по русской истории не приходится: «Школы... по русской истории собственно у нас не было». А в научном мире, где школа играет определяющую роль, это может оказаться негативным фактором в профессиональной карьере: «А раз за собою не чувствуешь силы вышколить человека, страшно тол-

²⁷ Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / публ. *В.П. Корзун и М.А. Мамонтовой* // История и историки. 2003. Историографический вестник. М., 2003. С. 317.

²⁸ Там же. С. 315.

кать его на науку, будить надежды и плодить работников “без руля и ветрила”»²⁹. Сложно сказать, почему ученый отрицал наличие собственной школы в Петербургском университете. Возможно, причиной тому был тот факт, что петербургские историки так и не сумели предложить собственной концепции русской истории в противовес теории В.О. Ключевского, что и вызвало чувство некой неполноценности и вторичности.

4

Для понимания влияния оппозиции «Москва-Петербург» на взаимодействие московской и петербургской школ «русских историков» большой материал дают источники личного происхождения (переписка, дневники, мемуары), оставленные историками обеих столиц. Наглядный пример – переписка П.Н. Милюкова и С.Ф. Платонова. Оба являлись ярко выраженными представителями своих научных школ. П.Н. Милюков родился в Москве, окончил местный университет, учился у В.О. Ключевского. Московская атмосфера была его естественной средой. С.Ф. Платонов также родился в Москве и только в 9 лет переехал в северную столицу. Его родители были коренными москвичами. Он подчеркивал, что имеет право «считать себя чистым представителем южной (московской) ветви великорусского племени»³⁰. Близка историку и московская культура: «Не только происхождение, но и сознательная преданность Москве с ее святынями, историей и бытом делали моих родителей, а за ними и меня именно великорусскими патриотами»³¹. В Москве ученый чувствовал себя как

²⁹ Цит. по: Корзун В.П., Мамонтовой М.А. Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002. С. 168.

³⁰ *Сергей Федорович Платонов*. Биография // Академическое дело. 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. LXIV.

³¹ Там же.

дома. Возможно, именно московские корни подспудно толкали историка внимательно следить за достижениями коллег из Московского университета. Но именно Петербургский университет воспитал его как исследователя, а впоследствии Платонов станет одним из лидеров «русских историков» Петербурга, а затем и всей России.

В конце XIX – начале XX вв. наблюдается стремление молодых историков Москвы и Петербурга перекинуть «интеллектуальные мосты». Неудовлетворенность традиционными для петербургских историков подходами заставила Платонова внимательно следить за наработками московских коллег. В его письмах к П.Н. Милюкову чувствуется своеобразный научный «провинциализм». Московские историки с явным пренебрежением относились к выпускникам Петербургского университета, поэтому Платонов опасался, что Милюков не будет смотреть на него как на равного. В письме от 1 марта 1890 г. он писал: «Я привык к некоторому высокомерию со стороны москвичей к той университетской среде Петербурга, которая меня воспитала, и ждал, чтобы Вы определили характер наших отношений»³². К счастью, Милюков не был заражен московским снобизмом. Тем не менее, описанное явление не было редкостью.

Московские историки, вобравшие в себя научные идеи своих учителей, вместе с тем были воспитаны в атмосфере противопоставления университетов обеих столиц. П.Н. Милюков, будучи в эмиграции писал в своих мемуарах: «По-прежнему университет, журнал, газета, наука занимали в Москве то первое место, которое в Петербурге принадлежало дворным, сановным и военным кругам. Это, так сказать, самодавление Москвы создавало больше уверенности в себе, больше душевного равновесия и спокойствия в среде интеллигенции, чем в вечно тревожном и нервном, вечно куда-то спешащем Петербурге»³³. В его другой работе, посвященной сравнению петербургского историка С.Ф. Платонова и московского

³² Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову... С. 172.

³³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. С. 156.

историка А.А. Кизеветтера, есть похожие мысли: «Петербург официален, Москва вольнолюбива. Петербуржец – формалист, москвич всегда склонен доискиваться причин и «смотреть» в корень. В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок»³⁴.

Таким образом, П.Н. Милюков отчетливо проводит разграничительную линию между Москвой и Петербургом. С его точки зрения, московский социум строится на неформальных общественных началах, где преобладает самоорганизация. Если Москва – культурная столица, то Санкт-Петербург – административный центр империи. П.Н. Милюков подчеркивает, что отличительной чертой москвичей является самостоятельность мышления, способность к глубокому анализу, в то время как петербуржцы склонны к систематизации, опасаются выдвигать смелые идеи. Московские интеллектуалы, по мысли П.Н. Милюкова, более независимы в отношениях с властью, в то время как петербургские научные круги склонны к компромиссу с «дворным, сановным и военным кругами». Но у москвичей, по сравнению с петербуржцами, есть и недостаток – непрактичность и недисциплинированность. В письмах к Платонову Милюков шуточно-уничижительно называет себя «неповоротливым москвичом», «московским ротозеем», у которого отсутствует «особый талант» петербуржца – «поспевать всюду и делать в десять раз больше нас, московских ротозеев»³⁵.

В письме к матери тогда еще начинающего историка-петербуржца А.Е. Преснякова, который приехал в Москву для работы в архивах летом 1892 г. и по рекомендации С.Ф. Платонова посетил П.Н. Милюкова, мы

³⁴ *Он же*. Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51. С. 314.

³⁵ *Корзун В.П.* Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову.... С. 173.

находим описание следующего эпизода: «Милюков принял меня очень радушно... У него я встретил еще каких-то причастных к науке субъектов – и про всех можно сказать, что действительно “от головы до пяток есть московский отпечаток”. Мне как-то сразу стали понятны слова Платонова, что “в Москве люди себе цену знают”. Сразу поразил какой-то твердый решительный и, пожалуй, даже слишком самоуверенный тон, не избегающий резких выражений и, в частности, довольно-таки пренебрежительное отношение к Петербургскому университету»³⁶.

В письме к своей жене Пресняков еще в более резких тонах описывает произошедшее: «Москва все та же, старая и грязная Москва, и люди все такие же, довольные своими уголками, самоуверенные. Если бы Вы слышали, как пренебрежительно третируют здешние доценты наш Петербургский университет. Один даже сказал что-то вроде того, что интересно было бы сосчитать, сколько идиотов (!) между петербургскими профессорами. Хороши мальчики, нечего сказать. Можно подумать, что они сами-то великие люди»³⁷.

В приведенных выше цитатах наглядно видны различия в менталитете. Если Милюков с гордостью подчеркивает «оригинальность» москвичей, то Преснякову это кажется самоуверенностью. Причем Пресняков указывает на это как на характерную черту: «от головы до пяток есть московский отпечаток». Задело Преснякова и пренебрежение к его родному университету. Ценно указание на предостережение С.Ф. Платонова, который готовил своего ученика к столкновению с людьми, которые «себе цену знают». Таким образом, можно констатировать, что в петербургской научно-исторической среде сложилось стойкое представление о москвичах как заносчивых и резких людях. Тем не менее, Пресняков отмечает, что в этой браваре есть и положительные сто-

³⁶ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 34.

³⁷ Там же. С. 412.

роны: «А все-таки хорошо, что люди так бодро на вещи смотрят, как здешние и что себе цену знают, хотя бы и преувеличивают ее»³⁸.

Справедливости ради, нужно указать, что в письме другого петербургского историка, С.В. Рождественского, впечатления о московских профессиональных историках совсем иное. «В двухчасовой беседе, посвященной московским и петербургским злобам дня, ничего обидного для петербургского самолюбия выслушать мне не пришлось»³⁹, – писал Рождественский. Впрочем, как утверждают авторы статьи: «Значимым для Рождественского является взгляд москвичей на петербургских историков, его ухо улавливает малейшие нюансы таких оценок, и практически каждое его письмо содержит такую информацию»⁴⁰. Это указывает на то, что Рождественский был изначально готов к разного рода колкостям со стороны москвичей, поэтому он и отмечает тот факт, что их не было.

Если петербуржцы считали москвичей слишком самоуверенными, то мнение о Петербурге как столице чиновников и придворных, где невозможно свободное научное творчество было весьма распространено в московских кругах. С.В. Веселовский, которому долгое время не давали преподавать в Московском университете, после того, как возникла возможность получить научное звание в Санкт-Петербурге и начать там свою педагогическую карьеру, отказался от этого предложения. В своем дневнике за 1916 г. он следующим образом объяснил это решение: «Мне представляется, что в П[етербурге] меньше оригинальных людей и независимых характеров, чем в Москве, но средний уровень культуры много выше московского. Нельзя же считать

³⁸ Там же.

³⁹ Корзун В.П., Мамонтова М.А., В.Г. Рыженко. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. Омск, 2002. С. 97.

⁴⁰ Там же. С.

научной средой чиновников от науки, группирующихся около университета, курсов и т.д.»⁴¹.

В 1918 г., в эпоху тотальной ломки привычного мира, уже другой московский историк, Ю.В. Готье, рассуждал в том же направлении. Категорический противник большевиков он считал, что стремление петербургских историков сотрудничать с новыми властями есть проявление их менталитета, сформированного близостью научного сообщества в Петербурге к власти вообще. «Несколько раз пришлось видеться с петербургскими историками Пресняковым и Полиевктовым. Раньше это не осознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспособляются к Р.С.Ф.С.Р. и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы – трудно это сразу объяснить: не то наследие питерской бюрократии, не то налет эсеровщины, уживающийся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы»⁴².

Поразительно как представление Веселовского и Готье о Петербурге и петербургских историках совпадает с записями Милюкова. Очевидно, что это указывает на общий стереотип, существовавший у московских историков.

5

Понимание проблемы «Москва-Петербург» в контексте российской исторической науки конца XIX – начала XX вв. будет неполным без анализа образов обоих городов, которые сложились у «русских историков» двух университетов. Образ города по определению оказывался противоречив: в нем тесно переплетались устоявшиеся стереотипы и личные впечатления.

Одним из «отцов-основателей» московской исторической школы являлся В.О. Ключевский (1841 –

⁴¹ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 106.

⁴² *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 8-9. С. 156.

1911). Учитывая его колоссальное влияние на учеников, составивших цвет «русских историков» Московского университета, становится особенно актуальным анализ его рефлексии, даже скорее интуитивного, эмоционального восприятия Москвы⁴³. Важно подчеркнуть и то, что Ключевский – представитель провинции, поэтому, с одной стороны, мифы и стереотипы, культивировавшиеся в московской среде, не были для него чем-то само собой разумеющимся, а с другой – его взгляд отражал восприятие Москвы провинциальной Россией.

Наглядно становление и эволюцию восприятия Москвы молодым Ключевским можно найти в его переписке студенческих лет. Только что окончив пензенскую семинарию и отказавшись от духовной карьеры, молодой человек приехал из Пензы в Москву для поступления на историко-филологический факультет Московского университета. В письме от 23-25 июля 1861 г. пензенским родственникам И.В. и Е.Ф. Европейцевым Ключевский так описал свое впечатление от приезда в пока еще незнакомый город: «Москвы за темнотой и пылью нельзя было рассмотреть нисколько; чуялось что-то громадное и только»⁴⁴. Правда пензенца смущает местная дороговизна. Обнаруживается и присущая провинциалам мечта покорить столицу: «...Я ехал в Москву, крепко надеясь на Бога, а потом на вас [родственников] и на себя, не слишком рассчитывая на чужой карман, что бы там со мной не случилось»⁴⁵.

Любопытен и другой эпизод: прежде чем въехать на поезде в Москву, будущий историк специально сходил в баню, потому что «пензенскую и дорожную пыль я посоветился везти в Москву». Ключевский объяснил это тем, что «к такому городу, как матушка-Москва зла-

⁴³ *Киреева Р.А.* В.О. Ключевский в Москве // Краеведы Москвы. Вып. 3. М., 1997. С. 82-101.

⁴⁴ *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. IX. С. 118.

⁴⁵ Там же. С. 120.

тоглавая, нужно подъезжать с чистым телом по крайней мере, если не с чистой душой»⁴⁶. Словосочетание «матушка-Москва» подчеркивает сакральный статус этого города, являющегося священным для любого русского. Более того, в данном случае наблюдается и некий религиозный оттенок: в «златоглавую» желательно приезжать с чистой душой, а помывка в бане является чем-то сродни омовения. Заметно и противопоставление (пусть в несколько шутиливой форме) Пензы (провинции) и Москвы: «пензенской пыли» здесь не место. «Да, подумал я, здесь не Пензой пахнет»⁴⁷, – писал будущий студент в следующем письме П.И. Европейцеву. Уже из этого видно, что Москва воспринималась как нечто противоположное провинциальному миру.

Москву Ключевский рассмотрел только на следующий день. Впечатление было колоссальным: «Шум говор, стук, прилив и отлив толпы поразили меня; у меня дух захватило»⁴⁸. Человеку, не привыкшему к Москве, оказалось трудно ориентироваться в ее пространстве: «Ходишь по Москве, а Москвы не разберешь, всё улицы, улицы, улицы и всё улицы – заплутаешься, или пойдешь к югу и идешь все к югу, а вернешься домой с севера – и как это вышло так, не поймешь»⁴⁹. Московские улицы и дома он называет «странными», но вот людей, их населяющих, считает «вовсе не странными»⁵⁰. Но, несмотря на все, Москва воспринимается как истинно русский город: «А стоит того, чтобы походить да посмотреть; Русь вся тут, и с ногами, и с руками, и с голенищами даже»⁵¹.

Экзамены были сданы успешно, а абитуриент из Пензы превратился в московского студента. Естествен-

⁴⁶ Там же. С. 121.

⁴⁷ Там же. С. 124.

⁴⁸ Там же. С. 124.

⁴⁹ Там же. С. 125.

⁵⁰ Там же. С. 129.

⁵¹ Там же. С. 126.

но, что в центре жизни Ключевского находились Московский университет и его знаменитые профессора. Более того, студент был уверен, что Московский университет занимает особое положение в культурной и общественной жизни России. Даже после того, как из-за студенческих волнений осени 1861 г. поползли слухи о закрытии университета, он убежденно писал П.И. Европейцеву: «Для успокоения нужно Вам сказать, что университет Московский не закроют никогда: это не Петербургский и никакой другой»⁵².

Конечно же, первые восторги, вызванные Москвой, сменились более трезвым взглядом на старую столицу. В письме другу по семинарии В.В. Холмовскому от 18 ноября 1861 г. (заметим, что прошло совсем немного времени с момента приезда и поступления) Ключевский признавал, что «в Москве есть разные вещи, и такие, которые на пристойном языке называются хорошими, и такие, которые на том же языке именуются “неприличными”»⁵³. Московские дамы так и вовсе вызвали отторжение: «В Москве нет хорошеньких [женщин], все дрянь бульварная. В театре, куда ни посмотри, все рожа да рожа, почти ни на ком человеческого лица нет. Тряпки, как и их юбки!»⁵⁴. Пестрота большого города бросалась в глаза. Ключевский подчеркивал, что в Москве вместе уживаются патриархальные нравы и разгульная жизнь.

Первое очарование прошло. Окончив 1861/62 учебный год, Ключевский признавался: «...Без сожаления и даже без всякого чувства оставляю я за спиной Москву; с Пензой я не расставался так. А ведь, кажется, и прожитой год в Москве стоил чего-нибудь: да, он многое стоит, так что в другой раз не повторится; дело ве-

⁵² Там же. С. 161.

⁵³ Там же. С. 174.

⁵⁴ Там же. С. 175.

домое, вчерашнего не воротить. А все же, выезжая из Москвы, я готов был сказать ей: “Э, убирайся!”⁵⁵.

Возмущала историка и московская грубость нравов. В 1867 г. общественность всколыхнул следующий случай: местный миллионер побил немца и немку в трактире. Комментируя это, Ключевский писал своему другу П.П. Гвоздеву: «Москва – как всегда: голова у задницы, а впереди живот да кулаки»⁵⁶.

Заметна эволюция восприятия города историком от «матушки-Москвы», как места сакрального, к скепсису, даже негативному взгляду на вторую столицу. Образ Москвы у Ключевского, безусловно, противоречив. Тем не менее, Ключевский прочно вошел в жизнь города, стал его органичной частью. Жизнь вне города, ставшего привычной средой, вызывала у него дискомфорт. Об этом свидетельствуют письма уже прославленного ученого и лектора из поселка Абастумана, где он в течение в 1893 – 1894 гг. преподавал политическую историю великому князю Георгию Александровичу⁵⁷. В них находим: «...В день праздника [Рождества] буду много думать о Москве»⁵⁸. И еще: «Сегодня на меня нашло маленькое уныние: с 1865 года, когда я вступил в Московский университет, я в первый раз встречаю этот день вне Москвы»⁵⁹. Более того, историк упоминает о том, что Москва отличается «нравственными удобствами»⁶⁰. Очевидно, что необходимы дальнейшие исследования этой проблемы с привлечением дополнительных источников.

⁵⁵ Там же. С. 215.

⁵⁶ Там же. С. 251.

⁵⁷ *Киреева Р.А.* «История европейского человечества». Лекции В.О. Ключевского по истории Западной Европы в связи с историей России // В.О. Ключевский. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012. С. 16-22.

⁵⁸ Письма В.О. Ключевского из Абастумана // Там же. С. 452.

⁵⁹ Там же. С. 456.

⁶⁰ Там же. С. 463.

В.О. Ключевский стал одним из символов не только Московского университета, но и города в целом. По наблюдениям С.О. Шмидта: «Образ Ключевского постепенно обретает значение символа – и историка, и московского профессора, и обязательной украшающей части культуры и общественной жизни Москвы»⁶¹. В Москву ехали, чтобы услышать его лекции. А.А. Кизеветтер вспоминал, что после того, как в 1884 г. он окончил гимназию в Оренбурге, перед ним встал вопрос о выборе университета: «Ближайшим университетским городом к Оренбургу была Казань... Но меня неудержимо влекла к себе Москва. Уже в средних классах гимназии я твердо решил посвятить себя изучению русской истории, и к Москве меня притягивало, словно магнит, имя Ключевского...»⁶². Один из последних учеников мэтра, А.И. Яковлев (1878 – 1951), учившийся в 1890-е гг. в симбирской гимназии, специально узнавал у своего знакомого о лекциях Ключевского. Тот ответил: «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву»⁶³. Любопытно и другое: Ключевский стал (во всяком случае, у части русской интеллигенции) стойко ассоциироваться с «русской природой», превратился в ее символ. Тот же А.И. Яковлев свидетельствовал: «Вспоминаются слова одного славного художника*, который изучал и писал его на лекциях, и который после одной из лекций воскликнул: “Не знаю в русской природе

⁶¹ Шмидт С.О. Ключевский и культура России // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 313.

⁶² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997. С. 21.

⁶³ «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского / Публ. В.В. Тихонова // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 141.

* Вероятно речь идет о Л.О. Пастернаке, авторе картины «В.О. Ключевский читает лекцию» (1909)

ничего более прекрасного, чем Ключевский, произносящий свои лекции”»⁶⁴. Возможно, слава историка и блестящего знатока русских древностей позволяла ассоциировать его со всем исконно русским⁶⁵.

Трудно сказать, какое отношение у Ключевского сложилось к Санкт-Петербургу. Определенный свет на это проливает его художественное сочинение «Письмо француженки» (1886). В нем от лица француженки, которая посещает Петербург второй половины XVIII в., описываются нравы русского дворянства. Этот персонаж зло рассуждает о стремлении русской аристократии паразитировать на всем европейском. Она предостерегает: «Народ, живущий за счет другого, мстит сам себе за собственную неправду тем, что убивает сам себя, постепенно теряя способность жить.... Нельзя и стыдно перенимать чужой образ жизни, строй чувств и порядок отношений»⁶⁶. Безусловно, мы можем лишь гадать, насколько такие оценки точно совпадали с взглядами самого Ключевского. Тем не менее, ясно, что этот текст был написан в форме художественного произведения не случайно, историк хотел выразить свое отношение к значимой для него проблеме. Скепсис к русской аристократии – характерная черта Ключевского. В этой связи можно предположить, что Петербург, как символ и средоточие этой пусть и европеизировавшегося, но паразитирующего слоя, не вызвал у него особых симпатий.

Но вернемся к образу Москвы. Не менее ошеломляющее впечатление, чем на молодого Ключевского, Москва произвела на его будущего ученика А.А. Кизеветтера. Он вспоминал: «В середине лета 1884 г. я очу-

⁶⁴ «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву...» С. 143.

⁶⁵ Подробнее о восприятии творчества В.О. Ключевского и его учеников см.: *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и русской культуре. Челябинск, 2010.

⁶⁶ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 329.

тился в Москве, на Мясницкой, в номерах «Швейцария». На первых порах Мясницкая меня ошеломила. Мне показалось, что я попал в какое-то вавилонское столпотворение. Непрерывный грохот экипажей, бесчисленное количество торопливо снующих по разным направлениям людей, столбы, обклеенные саженными плакатами со всевозможными объявлениями, резкие звонки омнибусов – все это дурманило меня, привыкшего к сонной тишине провинциального медвежьего угла. И сердце билось радостно. Какой-то новый, неведомый мир, полный движения и красок, готов был раскрыться перед моими взорами. Было такое чувство, словно я из тихого затончика выбежал на легком челноке в необозримое открытое море, и уже было предчувствие, что это море сулит мне и радости и бури»⁶⁷. Многих провинциалов, в том числе и тех, кто хотел посвятить себя исторической науке, Москва поражал своим размахом и динамизмом. Москва представлялась молодому человеку «лучезарным центром кипучей умственной работы»⁶⁸, манила своими возможностями.

Теперь обратимся к наследию авторитетного среди петербургских историков профессора Петербургского университета, академика, одного из основателей петербургской школы историков-русистов К.Н. Бестужева-Рюмина (1829 – 1897), уроженца Нижегородской губернии. Увлечшись под влиянием своего гимназического учителя П.И. Мельникова (Печерского) историей и литературой, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, впрочем вскоре перейдя на юридический⁶⁹. Летом 1847 г. молодой человек приехал в Москву. Вместе со своим другом, будущим известным всеобщим историком С.В. Ешевским, он осматривал древнюю столицу: «Москва и Кремль повея-

⁶⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий... С. 21.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.

ли на нас своею старою историческою жизнью. Какое-то чувство восторга и благоговения к старине пробивалось в наших разговорах. С юношеским негодованием смотрели мы на перестройки древних зданий и пристройки к ним: нам больно было видеть, что новая жизнь коснулась исторической святыни»⁷⁰. Итак, молодые люди (оба выходцы из провинции) воспринимали Москву как центр истории, старой русской жизни.

Стечение обстоятельств заставило ученого переехать из Москвы в Петербург в 1859 г. В письмах к матери он подчеркивал свое оптимистичное настроение, но в то же время, признавался, что «Петербург глядит на меня все еще как-то дико: никого не знаю здесь; другие нравы, другие люди и другие понятия. Мы, москвичи, сходимся здесь чрезвычайно туго; здесь все в деньгах, и статьи (разумеется, знаменитостей) продаются чуть ли не с аукциона. Противно смотреть даже!»⁷¹. По наблюдениям исследователя творчества К.Н. Бестужева-Рюмина Р.А. Киреевой, переезд в северную столицу повлиял даже на подчерк: он стал более правильным, ровным, аккуратным, даже чопорным, как атмосфера Петербурга⁷².

Среди петербургских историков наиболее обстоятельные рассуждения о Москве и Петербурге и научно-исторических сообществах обеих столиц как культурных противоположностях мы находим у А.Е. Преснякова. Он не был коренным петербуржцем, но долгое время прожил в столице, учился в местном университете. Как специалист по допетровской Руси ему было необходимо ездить в Москву, чтобы работать в архивах, там он часто сталкивался и с московскими историками. В своих письмах он фиксировал многие впечатления от знакомства со второй столицей.

⁷⁰ Там же. С. 26.

⁷¹ Там же. С. 57.

⁷² Там же. С. 58.

Первое впечатление от майской Москвы 1892 г., которое мы находим у Преснякова, имеет весьма негативный оттенок: «Идя по Москве, я был действительно поражен видом белокаменной: грязь потрясающая. Кажется, в этой белокаменной белено только было, что мой китель»⁷³. Но первое негативное впечатление вскоре сменилось симпатией к своеобразному колориту Москвы: «...Делать нечего, и теряешь много времени. Трачу я его на хождение по Москве, которая все больше и больше нравится мне своей характерной физиономией и оживленностью. Я вполне понимаю, как скучен Петербург для москвичей, как бесцветна и скучна петербургская толпа сравнительно с здешней»⁷⁴. Именно разнообразие и неформальность социокультурного мира Москвы начинает привлекать автора процитированных строк. Люди здесь кажутся более раскрепощенными и оригинальными: «Вообще в Москве, кажется, не переводятся живые люди»⁷⁵. В противоположность грязной, но колоритной и разнообразной Москве, Петербург уже представляется историку скучным: «В общем, Петербург такой же скучный и скверный, как всегда, несмотря на хорошую погоду»⁷⁶.

Пресняков во многом был согласен со своими московскими коллегами в оценке петербургской атмосферы. В письме матери от 4 марта 1894 г. находим следующие рассуждения: «Миклашевский [И.Н. Миклашевский – историк, специалист по истории финансов – *В.Т.*], очень симпатичный и знающий человек, – без места. Его, впрочем, вызвали в министерство, поручили какое-то дело и, верно, оставят его здесь, хотя ему очень тяжело расставаться с Москвой. Сильно не по душе ему наша питерская атмосфера, и я вполне разделяю его мнение»⁷⁷.

⁷³ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 34.

⁷⁴ Там же. С. 36.

⁷⁵ Там же. С. 39.

⁷⁶ Там же. С. 144.

⁷⁷ Там же. С. 129.

Преснякова не устраивала соглашательская позиция по отношению к властям, которая была традиционно присуща представителям Петербургского университета. Комментируя события 1894 г., когда 42 московских профессора во главе с А.А. Остроумовым подали петицию с прошением о смягчении участи высланных из Москвы после волнений студентов, он пишет: «Молодцы москвичи, у нас ничего подобного быть не может»⁷⁸.

С годами симпатия и любовь к Москве только росли. Пресняков начал все больше ценить ее неповторимую «провинциальность». «А воздух чистый, свежий. Так хорошо дышится после города. И сама Москва не производит на меня такого «городского» впечатления, как Петербург. Как-то тут свободнее, проще...И люди московские – другие, в трамваях, на улице... Спокойные, веселые, никуда не торопятся, не суетятся». Но при этом историк отмечал и разительные перемены, происходящие с Москвой: «А вместе с тем Москва растет, меняется, пожалуй, больше, чем Петербург... Правду говорят, “что город, то норы”»⁷⁹.

В 1909 г., в письме к жене, Пресняков признается, что Москва ему нравится больше, чем Санкт-Петербург. «Право, помимо пристрастия, хороший город. Гораздо шире, красивее Петербурга. Я рассказывал тебе, что тут и магазины много эффектнее, и как-то все крепче и свободнее. Очень бы хотел тебе Москву показать. И как-то боязно, что тебе моя милая Москва – совсем не понравится. Ведь она довольно неряшливая и во многом – все-таки купчиха. Не то, что элегантная, бойкая Варшава. Но по-своему она мне гораздо больше нравится. Тут мне, вероятно, и жилось бы хорошо, шире и свободнее, чем в Петербурге. Тут в жизни больше энергии и меньше суеты»⁸⁰. Примечательно замечание автора о том, что в Москве «больше энергии и меньше суеты».

⁷⁸ Там же. С. 168.

⁷⁹ Там же. С. 618.

⁸⁰ Там же. С. 626.

ты». Как это разительно отличается от мнения петербуржцев первой половины XIX в., которые считали Москву патриархальным и нединамичным городом, столицей дворянского гедонизма⁸¹. На смену праздному московскому дворянству пришла деловитая буржуазия.

Итак, отношение Преснякова к Москве было более чем положительным. Но, несмотря на искреннюю любовь к Москве и симпатию к московскому менталитету, именно Пресняков сформулировал тезис об особом статусе петербургской исторической школы, во многом отличной от московской. На защите докторской диссертации «Образование Великорусского государства» в 1918 г. он произнес речь, в которой разделил московскую школу, как школу, основанную на отвлеченном теоретизировании, и петербургскую, где господствует источник. «Я определил бы ее [петербургской школы – *В.Т.*] характерную черту как научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции»⁸².

Здесь Пресняков как бы поставил с ног на голову тезис Милюкова: «В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок». Если Милюков видел превосходство Москвы именно в смелости мысли, то теперь Пресняков, напротив, усмотрел преимущество петербургской школы в осторожности и обстоятельности, отказе от априорного теоретизирования.

Рассмотренные образы городов со всей наглядностью показывают, что мифология обеих столиц являлась элементом мировоззрения историков. Москва – «святой город», исторический центр России. Петербург – динамичный, но

⁸¹ *Figes O.* *Natasha's dance. A cultural history of Russia.* L., 2002. P. 162.

⁸² *Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 6.

«казенный» мегаполис. Столкновение и личный опыт нередко разрушали эти стереотипы или трансформировали их.

Итак, из приведенных выше примеров видно, что противостояние, которое было характерно для исторических школ в конце XIX – начале XX вв. основывалось в том числе на культурных стереотипах (которые нередко вполне могли совпадать с реальностью). Петербуржец – формалист, следовательно, и петербургский историк в первую очередь будет заниматься не осмыслением полученных исторических фактов, а их проверкой и первичной систематизацией. Москвич же – «оригинал», он предрасположен к осмыслению истории, к анализу первопричин и созданию смелых концепций.

В заключение, можно сделать вывод, что различия между двумя научными сообществами скрывались не только в научном творчестве, но и в менталитете, сформированном культурной средой Москвы и Петербурга. Хотя, в конце XIX – начале XX вв. наблюдается все более заметный курс на кооперацию историков Петербургского и Московского университетов. Мифы не могли являться препятствием для активного сотрудничества, но они создавали предпосылки для разграничения «своих и чужих», формировали фон для рефлексии об «особенностях» двух научно-исторических сообществ.

* * *

Запись доклада и обсуждение можно посмотреть по ссылке <http://www.worldhist.ru/News/384/8952/>

Библиография

Академическое дело. 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

Богословский М.М. Дневники 1913-1919. М., 2011.

Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.

- Валк С.В.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000.
- Веселовский С.Б.* Дневники 1915-1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2.
- Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 8-9.
- Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и русской культуре. Челябинск, 2010.
- «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского / Вступ. ст., подг. текста *В.В. Тихонова* // Вестник архивиста. 2011. № 2.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881-1914. М., 1997.
- Киреева Р.А.* В.О. Ключевский в Москве // Краеведы Москвы. Вып. 3. М., 1997.
- Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.
- Киреева Р.А.* «История европейского человечества». Лекции В.О. Ключевского по истории Западной Европы в связи с историей России // В.О. Ключевский. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. М., 2012.
- Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. I, IX;
- Корзун В.П.* Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2.
- Корзун В.П., Мамонтова М.А.* Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002.
- Корзун В.П., Мамонтова М.А., В.Г. Рыженко.* Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. Омск, 2002.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2001.
- Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990.
- Милюков П.Н.* Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51.
- Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

- Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову / публ. В.Л. Корзун и М.А. Мамонтовой // История и историки. 2003. Историографический вестник. М., 2003.
- Попов А.С. Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореф. дис... докт. ист. наук. Пенза, 2002.
- Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005.
- Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920.
- Розенталь И.С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004.
- Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
- Ростовцев Е. Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.
- Смирнов С.Б. Петербург-Москва: сумма истории. СПб., 2000;
- Федотов Г.П. Две столицы // Новый мир. 1989. № 4.
- Цыганков Д. Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурера и А. Дмитриева. М., 2009.
- Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.
- Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX-начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. Кн. 1.
- Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003.
- Шмидт С.О. Ключевский и культура России // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
- Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург-Москва» // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997-2001 годов. М., 2012.
- Figes O. Natasha's dance. A cultural history of Russia. L., 2002.